

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-127-133

**«СФОРМИРОВАТЬ ПРАВО БУДУЩЕГО». РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
УМНОВА-КОНЮХОВА А. И. КОНСТИТУЦИОННОЕ ФУТУРИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО
И КОНСТИТУЦИОННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ. М.: РУСАЙНС, 2021.
286 С.**

Качалов А. Г.¹, Власова М. А.²

¹Департамент (представительство Самарской области) по взаимодействию с федеральными органами государственной власти

127015, г. Москва, ул. 1-я Квесисская, д. 12, Российская Федерация

²Тольяттинский государственный университет

443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 187, Российская Федерация

**«SHAPING THE LAW OF THE FUTURE». REVIEW OF THE MONOGRAPH:
UMNOVA-KONYUKHOVA A. I. CONSTITUTIONAL FUTURIST LAW AND
CONSTITUTIONAL FUTUROLOGY IN THE 21ST CENTURY. MOSCOW: RUSSINS.
2021. 286 P.**

A. Kachalov¹, M. Vlasova²

¹Department (representative office of the Samara region) for interaction with federal government authorities
ul. 1-aya Kvesisskaya 12, Moscow 127015, Russian Federation

²Togliatti State University

ul. Molodogvardeiskaya 187, Samara 443100, Russian Federation

Нельзя сказать, что футурологические изыскания не интересовали российских исследователей ранее¹. Но лишь в рецензируемой монографии известного учёного И. А. Умновой-Конюховой реализована задача заглянуть в наше конституционное будущее и выдвинуть инновационные идеи признания современным правоведением правовой футурологии и футуристического права, а также их базы – конституционного футуристического права и конституционной футурологии. Автор вселяет надежду, что близко возникновение первой в мире отечественной, а впоследствии и международной научной школы правоведов-футурологов. Чего-либо подобного в зарубежном и международном правоведении пока не было.

И. А. Умнова-Конюхова отмечает, что футурологические прогнозы развития общества всё активнее дают учёные из области точных и естественных наук, вовлечённые в научно-технический прогресс и новые технологии. В этом участвуют «все, кто угодно, но только не правоведа. Уважение к правоведам как к специалистам, способным не только дать прогноз, но и сформировать право будущего, невелико».

Автор пишет о «важности разграничения конституционного футуристического права как отрасли права и конституционно-правовой футурологии как правовой науки, обслужива-

---

¹ Напр.: Боброва Н. А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или Итоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 45–48.

ющей данную отрасль. Ключевым направлением исследования в этой правовой науке является конституционная футурология, в рамках которой разрабатывается доктрина, определяющая конституционный идеал будущего, т. е. доктрина конституционного футуризма. Предметом конституционной футурологии как самостоятельной отрасли правовой науки являются знания об идеале конституционного строя и конституции, о будущем конституционного развития, т. е. о состоянии, тенденциях, прогнозах, концепциях, доктринах, стратегиях и тактиках конституционного развития» (с. 97).

Официально термин «футурология» был введён в научный оборот в 1943 г. немецким социологом О. Флехтгеймом для обозначения социальной дисциплины «философия будущего», основным предметом которой должно было стать будущее человечества и человеческого общества, и в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на Западе к футурологии обратились практически все отрасли знания: социальные и гуманитарные науки (обществознание, философия, политология, социология, культурология, искусствоведение и др.), точные и естественные науки (математика, физика, энергетика, биология, экология, информатика)¹. На волне демилитаризации футурологии Элвин Тоффлер в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке в 1966 г. впервые начал преподавать курс, посвящённый футурологии, издав несколько трудов по футурологии, известных во всём мире.

Однако футурология, констатирует автор, не стала ни особой наукой, ни специфической философией, а превратилась в общее движение научной мысли, обращённой к анализу социальной динамики и её результатов (с. 16). И. А. Умнова-Конюхова подробно анализирует футуристические изыскания медиумов и учёных на протяжении многих десятилетий вплоть до наших дней.

Современными футурологами, как отечественными, так и западными, исследующими

последствия глобализма, рисуется пессимистическая картина будущего, и автор анализирует основания этого пессимизма. В частности, И. А. Умнова-Конюхова считает, что в чёткой правовой объективации нуждается «новый объект правового регулирования – отношения между человеком и машинами». Развитие искусственного интеллекта и прорыв в биотехнологиях обнаружили проблему значительного возрастания роли машин и вытеснения человека не только из производства, но и из сфер умственной деятельности (с. 22). Подмечена символичность одного положения Конституции Бремена 1947 г.: «Человек занимает более высокое положение, чем машины и технологии». В приведённом положении отражается опыт процесса индустриализации, в ходе которого машины, технологии и новые возможности производства начали обесценивать самого человека труда. Среди индустриально-технологических инноваций наиболее серьёзную конкуренцию человеку составляет искусственный интеллект. И если ИИ в миллионы раз превосходит интеллект человека по скорости обработки информации, то закономерен вопрос, а не ограничиться ли учёным развитием лишь подчинённого человеку ИИ, не способного к саморазвитию и порабощению человека. Например, Кристиан Диеффал считает, что ИИ открыт для новых подходов и прорывов, а сами исследования ИИ остаются движущейся целью развития человеческой цивилизации.

Искусственный интеллект рассматривается сегодня как система, применяемая к передовой компьютерной технологии, которая направлена на имитацию разумного поведения человека, понимание (человеческого) интеллекта, создание разумных существ, способных автономно работать в меняющихся ситуациях. В условиях бурной цифровизации и роботизации общества перед правом встаёт целый ряд ключевых задач по правовой нейтрализации отрицательного воздействия этих процессов на базисные институты права. Например, анализируются возможности злоупотребления использованием ИИ в системе институтов современной демократии, приводятся при-

¹ Мазаник М. Н., Белоковольский М. С. Футурология. Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7317> (дата обращения: 06.02.2022).

меры разных попыток повлиять на выборы с помощью автоматизированных систем ИИ. Известно, что в контексте выборов распространяется фальшивая информация с целью воздействия на волеизъявление избирателей. Одним из видов деятельности, подпитываемых ИИ и другими цифровыми технологиями, является микротаргетинг, означающий попытки повлиять на поведение людей на основе личных профилей, основанных на их конкретных особенностях.

Цифровые системы ИИ значительно расширяют возможности микротаргетинга. ИИ извлекает информацию путём обхода веб-страниц и анализа других источников неструктурированных данных. Системы ИИ могут помочь профилировать людей вне их желания, автоматически обращаться к людям на основе их профилей через различные каналы социальных сетей (с. 83–84). Добавим, что через те же каналы можно осуществлять и социально полезные цели – предотвращение террористических актов на основе прогнозирования действий их возможных организаторов и участников (над этой задачей учёные уже работают, выделяются гранты).

Автор, как и в предыдущих своих трудах, но на новом уровне, анализирует формирование отраслей права нового поколения. Она подчёркивает, что в современном развитии право проходит не просто очередной этап эволюции. В эпоху его беспрецедентной бинарной глобализации и дифференциации происходит перестройка традиционных правовых систем в системы нового типа, внутри которых интенсивно формируются особые правовые комплексы, с одной стороны, как ответ угрозам и вызовам миру, безопасности, правам и свободам человека, устойчивому развитию и другим приоритетным общечеловеческим ценностям, а с другой стороны, как реакция на потребности правового регулирования, вызванные воздействием на нашу жизнь новыми технологиями и факторами развития. Комплексные правовые образования можно обозначить как интегрированные, глобальные отрасли права, которые относятся, по мнению автора, к новому поколению отраслей права,

тесно взаимодействующих с национальным конституционным и международным публичным правом. Данные отрасли являются элементами права новых типов – права выживания и права развития. Они формируются для обеспечения устойчивого и эффективного развития в условиях радикального изменения технологий и качества жизни, в целях противодействия угрозам и вызовам человечеству.

Данные отрасли права, как пишет И. А. Умнова-Конюхова, являются высшей формой эволюции комплексных отраслей права нового поколения, которым присуща бинарность публичных и частных интересов при очевидном доминировании публичной значимости правовых принципов и норм. Они направлены на защиту не только традиционных субъектов публичного права (человек, государство, нация, народ и пр.), но и глобальных общностей: человечество, настоящие и будущие поколения. Возникают новые или модифицированные функции государства. «По степени значимости отрасли права нового поколения относятся к глобальному праву, т. к. предназначены для противодействия глобальным вызовам и угрозам человечеству или для обеспечения реализации глобальных целей развития. Такие отрасли права формируются в наше время как ответ вызовам и угрозам, и основу их развития, объект защиты составляют высшие ценности человека» (с. 62–63).

В работе анализируются имеющиеся в мире конституции, которые содержат положения об ответственности перед настоящими и будущими поколениями, перед человечеством в целом, о благе и защите интересов будущих поколений в сфере развития окружающей среды, об обеспечении достоинства всего человечества (с. 64).

Отмечая высокий уровень развития информационного права, автор констатирует дифференциацию последнего, выражающуюся в следующих процессах:

1) формирование новых подсистем информационного права – подотраслей и институтов, к которым можно отнести цифровое право (кибернетическое, сетевое, телекоммуникационное, право информационной без-

опасности, информационные права человека, информационная ответственность и др.);

2) внутри традиционных отраслей права формируются блоки норм и институты, связанные с информационными отношениями. В уголовном праве это – «уголовная ответственность за киберпреступления», в финансовом праве и предпринимательском праве – новые цифровые технологии обслуживания денежно-финансовых потоков (биткойны, криптовалюта, блокчейн-технологии), в гражданском и предпринимательском праве – цифровая экономика, в конституционном праве – «электронная демократия», электронное голосование и т. д.;

3) появились новые сферы правового регулирования информационных технологий: биоинженерия, нанотехнологии, робототехника, ИИ, многомерная визуализация и др.;

4) дифференциация информационных прав человека в условиях цифровизации проявилась в формировании целой группы, так называемых цифровых прав, например: право на доступ в интернете, право на изображение (ст. 1521 ГК РФ), право на забвение и др.

В информационном обществе свобода слова, право на информацию и доступ к ней трансформировались в универсальный товар, состоящий из цифровых данных о человеке и его сообщений в интернете. Эта группа отраслей права нового поколения находится ещё на стадии формирования. Их интегрированный характер активно обсуждается в науке, в то время как нормативная база не достигла необходимого уровня систематизации. Но в их рамках уже обозначились институты, обеспечиваемые нормативной базой и соответствующими механизмами реализации. Так, современное право мира можно определить как систему принципов и норм, регулирующих отношения, которые характеризуют уровень достижения человеческим обществом и государствами состояния мира, и связаны с реализацией субъективного права на мир, а также определяют механизмы обеспечения и защиты мира (с. 66–67).

И. А. Умнова-Конюхова отмечает, что правовое регулирование вопросов цифровизации и юридической техники значительно

отстаёт от развития технологий. В основном «вдогонку» принимаются нормативные правовые акты, точечные и ситуационные меры, неоднократно уточняемые и приспособляемые к реальности. Аналогичным образом законодатели не успевают за биотехнологическими вызовами, и развитие биоправа осуществляется преимущественно на ведомственном и частно-корпоративном уровнях правотворчества. В контексте влияния цифровизации, ИИ и биотехнологий на право в целом автор систематизировала тенденции его развития (с. 77–80).

К основным блокам, которые условно можно назвать институтами футуристического права, относятся принципы и нормы права, определяющие:

- модели конституционной оценки, включающие конституционный мониторинг, конституционный контроль и надзор;

- модели конституционной прогностической деятельности;

- требования и порядок выработки концепций и доктрин конституционного идеала, в т. ч. парадигм конституционного развития;

- требования и порядок выработки стратегий и тактик конституционного развития;

- процедурные и институциональные механизмы, обеспечивающие действенность конституции и дальнейшие конституционные процессы в заданных векторах;

- статус исследовательских центров конституционного мониторинга и прогноза, институтов, специализирующихся на анализе конституционного развития и конституционном прогнозировании.

Развитие данных институтов предопределяет эффективность регулирования и реализации института конституционной прогностической деятельности, осуществляемой экспертно-аналитическими и общественно-научными структурами. В результате таких видов деятельности формируется конституционное правосознание, направленное на выявление запроса на конституционное развитие, т. е. объективных факторов, предопределяющих необходимость внесения конституционных поправок, проведения конституционной реформы (с. 99).

Обобщая этапы эволюции права, И. А. Умнова-Конюхова выделяет 4 типа права, взаимодействующих друг с другом и обусловленных особенностями развития государства и общества:

- 1) право власти;
- 2) право демократии;
- 3) право выживания;
- 4) право развития.

Все 4 типа присутствуют в цивилизации с самого начала его возникновения. Но логика развития человеческой цивилизации предопределила, что эти типы права последовательно сменяются как доминирующие по мере эволюции правовой культуры в истории человечества. Высшая форма эволюции их взаимодействия в случае прогресса должна породить высшее право, его пятый тип – право жизни. Автор подробно анализирует каждое из 5 типов права (с. 109–111). Эта часть исследования представляется очень интересной и новаторской для развития теории права и конституционного права.

Отрицательный сценарий, подчёркивает автор, «связан с регрессом и реакцией, который может выразиться в возврате назад, т. е. к доминированию права власти и права выживания, к искажению институтов демократии и деградации. В современный период государства и мировое сообщество находятся ... на этом этапе эволюции, высок уровень регресса, и выбор в сторону права жизни ещё не сделан» (с. 113).

Выделяя 5 типов права и 2 сценария движения между ними (оптимальный и регрессивный), автор констатирует, что конституционное право в новое время заложило идеи либеральной демократии, связав последнюю со свободой и равноправием, что «обусловило новую логику взаимодействия права власти и права демократии. Доктрины конституции и конституционализма предопределили вектор подчинения права власти праву демократии» (с. 115).

Вызовы и угрозы человеческой цивилизации, процессы деградации и рост ощущений надвигающейся тотальной катастрофы – всё это привело к тому, что заложенная в конституциях формула права «демократия – права и свободы – свобод-

ная рыночная экономика» вступила во взаимодействие с другой триадой ключевых целей «эффективность власти – безопасность государства, общества и личности – государственное регулирование экономики». Право демократии стало взаимодействовать с правом власти в формате нового типа – права выживания.

Это взаимодействие способно, по мысли автора, развиваться в 2-х основных вариациях. Первая основана на том, что принципы либеральной демократии и задачи по повышению эффективности власти, укреплению безопасности и усилению инструментов государственного регулирования не противоречат друг другу и позволяют успешно решать проблемы цивилизации во взаимодействии с правом развития, приближая человечество от права выживания к праву высшего типа – праву жизни, отражающему идею естественно-правового и духовно-нравственного развития государства, общества и человека. Другой вариант – жёсткая конкуренция либеральной демократии с новой парадигмой спасения общества от вызовов человечеству. Такой вариант предполагает, что укрепление эффективности власти сопровождается существенным ущемлением принципов демократии (с. 119). Усиление государственного вмешательства в рыночную экономику, по мысли автора, превращает её в экономику государственного капитализма, для которой характерны непомерное слияние крупного частного капитала с властью, рост коррупции и усиление бюрократических препонов гибкому экономическому развитию. При таком варианте право выживания как переходный тип права поглощает право демократии и преобразует его в право власти, не взаимодействующее с правом развития. Определить доминирующий вектор эволюции современного конституционного права, составить прогноз конституционного права будущего, будущих конституций и ключевых институтов конституционного права возможно лишь с помощью поиска новой парадигмы конституционализма и конституционного строя, углублённого анализа состояния, тенденций и перспектив конституционного развития (с. 120).

Автор отмечает, что в России в отличие от европейского права термин «экономическая конституция» имеет и другое, гражданско-правовое звучание, смысл которого заключается в придании Гражданскому кодексу РФ титула «экономической конституции», и что идентификация ГК РФ с экономической конституцией всё более подвергается критике (с. 133).

Цели примирения и стабилизации развития не всегда достигаются с принятием конституции, если общество не созрело к этому: «Дальнейшие события во многих африканских странах, на Ближнем Востоке и в Азии ... показали, что принятые конституции не стали в этих странах средством стабилизации государственной и общественной жизни, достижения терпимости и национальной солидарности ... Сложная судьба сложилась в настоящее время и у конституций государств Восточной Европы, постсоветского пространства, Латинской и Центральной Америки. Устойчивости конституционного строя у многих государств этих регионов либо не реализуются в должной мере, либо трансформируются и искажаются в текущем законодательстве, правоприменительной практике. Провалы в конституционном дизайне, слабая эффективность конституций, от которых ждали другого импакта развития, снижение уровня доверия к конституции со стороны населения, которое в своё время проголосовало за неё – эти и другие проблемы вызывают интерес к проблемам конституционного созидания не только в политических, но и в научных кругах. Учёные ищут необходимые условия достижения конституционного успеха при создании новых и совершенствовании действующих конституций. Действенность конституции увязывается с совершенствованием конституционного дизайна на основе выявления и использования лучшего конституционного опыта» (с. 208–209).

Теория технологических особенностей продвигает внедрение технологий, которые способны в ускоренном темпе обеспечить формирование «постчеловека» в трансгуманистической заданности (с. 230).

Критикуя расхождения между декларируемыми в Конституции принципами и действительностью, автор констатирует, что «развитие федеративных отношений пошло не по пути реализации модели децентрализованного кооперативного федерализма..., а в направлении формирования централизованного федерализма, основанного на делегировании и деконцентрации власти на правилах, определяемых сверху. Вхождение в отечественную экономику рыночных отношений в условиях отказа от системного регулирования экономического порядка, процессов приватизации и распределения прибыли государством привело к концентрации капитала в рамках ограниченного круга лиц, постепенному слиянию капитала и государственной власти. Нерегулируемый рынок вверг Россию в мировой цикл экономических кризисов, сделал её уязвимой в банковской и финансовой сферах, зависимой от мировой экономики, создаваемой транснациональными корпорациями» (с. 266).

Анализируя поправки в Конституцию 2008, 2014, 2020 гг., автор констатирует, что «наиболее заметным стало создание централизованного автократического типа института Президента РФ как главы государства» (с. 272), но всё же называет их «поправками, направленными на оптимизацию и стабилизацию системы власти» (с. 271), с чем вряд ли будут согласны конституционалисты, критически и жёстко оценивающие направленность этих поправок, которые «оптимизацией» отнюдь не назовёшь¹. Впрочем, и сам автор затем уточняет позицию и отмечает, что оптимизация системы власти под большим вопросом.

Сложившиеся реалии современного конституционного развития свидетельствуют о том, что «в России формируется новый гибридный тип государственности, сочетающий элементы либеральной демократии и автократии» (с. 275).

И. А. Умнова-Конюхова признаёт, что «Конституция России страдает энтро-

¹ *Напр.*: Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.

пией, т. е. значительной недосказанностью в отношении механизмов народовластия и гражданской инициативы. В ней не определены гарантии институтов гражданского общества, демократии, ответственности публичной власти перед народом, отсутствуют базовые принципы демократической избирательной системы и референдума» (с. 276). При этом она считает возможным, не затрагивая первых двух глав, создание новых глав – «Народовластие и гражданская инициатива», «Экономическое развитие», «Социальное развитие», «Духовно-нравственные основы и культура», «Экологическая безопасность», «Внешнеполитическая деятельность и защита Отечества», «Герб, флаг, гимн и столица Российской Федерации», которые можно включить уже в действующую российскую Конституцию (с. 279–280).

Полагаем, что более правильным было бы говорить о принятии новой российской Конституции.

И. А. Умнова-Конюхова надеется, что её монография «послужит дополнительным вкладом в общую копилку исследований современных учёных-правоведов, направленных на определение верных правовых траекторий решения цивилизационных проблем выживания и развития, осуществляющих интенсивный поиск новых парадигм конституционного развития и конституционного строя как идеала, оптимизирующего прогресс человеческой цивилизации» (с. 278). Мы тоже на это надеемся и считаем, что данная фундаментальная и новаторская работа служит серьёзным импульсом как для создания новой школы права, так и для активизации исследований, направленных на формирование права будущего.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Качалов Александр Геннадьевич – и. о. заместителя руководителя Департамента (представительства Самарской области) по взаимодействию с федеральными органами государственной власти, преподаватель-исследователь, действительный государственный советник Самарской области 1 класса; e-mail: kachalov@samarapred.ru

Власова Мария Алексеевна – аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, помощник депутата Самарской Губернской Думы; e-mail: MAZ80@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr G. Kachalov – Acting Deputy Head of the Department (Samara Region Representative Office) for Interaction with Federal Public Authorities, Research Teacher, Full State Counsellor of Samara Region, 1st class; e-mail: kachalov@samarapred.ru

Mariya A. Vlasova – Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Assistant of the Deputy of the Samara Provincial Duma, e-mail: MAZ80@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Качалов А. Г., Власова М. А. «Сформировать право будущего». Рецензия на монографию: Умнова-Конюхова А. И. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М.: РУСАЙНС, 2021. 286 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-127-133

FOR CITATION

Kachalov A. G., Vlasova M. A. "Shaping the Law of the Future". Review of the Monograph: Umnova-Konyukhova A. I. Constitutional Futurist Law and Constitutional Futurology in the 21st Century. Moscow, RUSSINS. 2021. 286 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-127-133